

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Андрей Заостровцев

Концептуальные
альтернативы теории
модернизации:
российские концепции

Препринт М-46/15

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2015

УДК 330.34.01
ББК 65.013
3-29

Заостровцев А.П.

3-29 Концептуальные альтернативы теории модернизации: российские концепции / Андрей Заостровцев : Препринт М-46/15 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 36 с. — (Серия препринтов; М-46/15; Центр исследований модернизации).

Теория модернизации переживает не лучшие времена: после ее триумфального возрождения в 1990-е гг. изменившийся мир поставил перед ней нелегкие вопросы. В связи с этим в работе показываются как сильные, так и слабые стороны данной теории. Большое внимание уделяется двум альтернативным подходам: концепции так называемой Русской Системы и учению об институциональных матрицах Новосибирской экономико-социологической школы. Проведенный анализ позволил выявить как общность этих подходов, так и принципиальные расхождения между ними. В работе представлена и авторская точка зрения как на отдельные положения рассматриваемых концепций, так и в целом на поднимаемые ими вопросы.

Информация об авторе: Заостровцев Андрей Павлович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (zao-and@yandex.ru).

© Андрей Заостровцев, 2015

Теория модернизации переживает не лучшие времена: после ее триумфального возрождения в 1990-е гг. изменившийся мир поставил перед ней нелегкие вопросы. В связи с этим в работе показываются как сильные, так и слабые стороны данной теории. Большое внимание уделяется двум альтернативным подходам: концепции так называемой Русской Системы и учению об институциональных матрицах Новосибирской экономико-социологической школы. Проведенный анализ позволил выявить как общность этих подходов, так и принципиальные расхождения между ними. В работе представлена и авторская точка зрения как на отдельные положения рассматриваемых концепций, так и в целом на поднимаемые ими вопросы.

Почти все 1990-е гг. автор верил в модернизацию. Достаточно преодолеть экономические трудности, сопротивление реформам старой бюрократии, «красных директоров» и коммунистов, и Россия войдет в светлое рыночно-демократическое завтра. Сомнения, конечно, были. Впервые их зародило прочтение работы известного историка-востоковеда Леонида Васильева «Кризис социализма», изданной еще в годы горбачевской перестройки [Васильев (1990)]. Вроде бы ничего особенного в ней не было, но впечатлила идея о советском социализме как одном из образчиков государственного («азиатского») способа производства, который, в свою очередь, является не изобретением злодеев-большевиков, а органичным для исторического пути России. И стал мучить вопрос: а так ли просто уйти от социализма, как об этом говорят реформаторы и многие западные экономисты?

По роду деятельности автору в 1990-е гг. пришлось перестраиваться и осваивать учебные курсы «Экономикс». Там было все спокойно. Безраз-

дельно царил «человек экономический» (*homo economicus*). Он максимизировал собственную полезность от покупок при данных бюджетных ограничениях, искал оптимальное распределение между рабочим и свободным временем на рынке труда, между нынешним и будущим потреблением на рынке капитала, тогда как фирмы максимизировали прибыль. В итоге устанавливалась удивительная гармония общего экономического равновесия. Ну а если и возникали ее нарушения в связи с так называемыми «провалами рынка» (монополиями, внешними эффектами, асимметричной информацией), то на помощь приходило доброжелательное государство и восстанавливало утраченную идиллию собственными методами. Студенты экономических (и не только экономических) факультетов до сих пор изучают эту лабуду, а автор до сих пор ее преподает в курсе “Public economics”.

В 1990-е гг. мысль о том, что не все так просто с *homo economicus*, закрадывалась каждый раз после очередных выборов, когда народ выбирал не любимый автором «Союз правых сил» и даже не социал-демократическое «Яблоко». Многие еще, наверное, помнят встречу «нового политического года» накануне календарного 1994 г. и ставшее знаменитым восклицание философа Юрия Карякина «Россия, ты одурела!». Через год, в 1995-м, Россия снова «одуревает» и отдает голоса на думских выборах коммунистам. Становится более-менее ясно (несмотря на передышку, предоставленную переизбранием Бориса Ельцина в 1996 г.), что выбор России — не «демократический выбор».

Однако тогда еще казалось, что успех реформ и экономический рост сделают свое дело и народ поменяет точку зрения. А все разговоры об «особом пути России» — участь лузеров или реакционеров. Ничто не одолеет законы истории (только на этот раз немарксистские), свидетельствующие о том, что все страны рано или поздно соберутся под одним знаменем, на котором будет написано: «Свобода, собственность, рынок, демократия». Ведь без них нет места для успешного развития, роста «богатства народов», которые, как известно из учебников «Экономикс», состоят из озабоченных собственным благополучием индивидуумов. Как же эти рациональные люди могут пойти против самих себя? Их надо только «просветить», убедить, и тогда они отбросят свои предрассудки. Все будет хорошо!

В начале XXI в. Россия испытала невиданный в своей истории подъем благосостояния. Рост мировых цен на нефть поражал, наверное, даже воображение писателей-фантастов. Зарплаты превысили восточноевропейские, а в ряде крупных городов подошли вплотную к западноевропейским. И даже в таких, казалось бы, навсегда запущенных секторах, как образова-

ние и здравоохранение, произошли некоторые улучшения. Однако при этом страна все более и более отходила от соблюдения базовых принципов рыночной экономики, превращая права собственности в фикцию. От демократии остались только одни названия демократических институтов и учреждений. Свободы человека таяли на глазах. В итоге страна погрузилась в архаику и милитаристский угар.

Все это заставляет более серьезно относиться к альтернативным теории модернизации взглядам, которые видят в таком ходе событий не отклонение от генеральной линии, а, напротив, следование ей. Россия пережила очередное отступление от нее, а теперь все возвращается на круги своя. Обретает имманентное состояние под оболочкой из новых форм, хотя многие из них есть калька с советских или предшествующих им. Короче говоря, модернизация провозглашалась, но не состоялась. И это нуждается в объяснении. Не факт, что оно будет правильным ответом, но попробовать все-таки стоит.

«Крутые горки» теории модернизации

На рубеже 1990-х гг. в интеллектуальной среде, продвигавшей демократические и рыночные реформы, практически не возникало сомнений относительно принципиальной реализуемости проекта трансформации России в «нормальную страну». Это заблуждение не развеялось и позже, когда, казалось бы, многое прояснилось. Более того, получила распространение тенденция приукрашивать достижения на пути преобразований. И характерна она была далеко не только для российских авторов¹. Апофеозом же идеализации реального положения дел в стране стала известная статья, появившаяся уже в начале правления Владимира Путина². Причем

¹ Одним из первых проявлений стремления поскорее превратить Россию на бумаге в то, чем она не являлась на самом деле, была книга шведского экономиста Андерса Ослунда «Как Россия стала рыночной экономикой» [Aslund (1995)]. По всей видимости, не случайно, что в России она была издана под иным названием [Ослунд (1996)]. Интересно, что спустя 13 лет другой шведский экономист — Стефан Хедлунд — явно в пику Ослунду назвал свою статью «Такая красивая мечта: как Россия не стала рыночной экономикой» [Hedlund (2008)]. Попутно заметим, что иллюзии присущи не только отдельным авторам. В 2002 г. американская администрация и ЕС официально признали Россию страной с рыночной экономикой, что открыло ей двери для вступления в ВТО.

² [Shleifer, Treisman (2004); в рус. пер.: Шлейфер, Трейсман (2004)]. В статье, озаглавленной «Нормальная страна», утверждалось, что с помощью Запада Россия превратилась в нормальную страну, которая будет проводить дальнейшую либерали-

вынесенное в ее заголовок клише — «нормальная страна» — часто употреблялось в российском общественном дискурсе независимо от Андрея Шлейфера и Даниеля Трейсмана задолго до публикации их работы³. Оно, как и у данных авторов, служило широко признанным обозначением социального устройства, подобного тому, которое присуще западным странам (правовое демократическое государство плюс рыночная экономика).

Иначе говоря, обновленная Россия должна была стать чем-то вроде анти-СССР: если в Союзе были диктатура компартии, отсутствие свобод, государственная собственность и плановое хозяйство, то на смену им должны прийти политический плюрализм, права человека, частная собственность, свободный рынок и предпринимательство. И если имелись опасения в успехе грандиозного предприятия, то их связывали исключительно с активностью коммунистов, мечтающих вернуть все как было. При этом сама возможность достаточно быстрого и радикального институционального переворота при наличии соответствующей политической воли реформаторов и их прочной опоре на властные рычаги под сомнение не ставилась.

Эта широко распространенная в то время точка зрения в основе своей опиралась на видение мира второй половины XX в., которое было привнесено теорией модернизации. Несмотря на ее угасание и критическое отношение к ней на Западе, проявившиеся еще задолго до горбачевской перестройки, в России в эпоху демократических и рыночных перемен она была воспринята куда более благожелательно. Тем более что критические стрелы в ее адрес летели из лагеря «левых» мыслителей⁴, а «второй жизнью» она была наделена знаменитой книгой Фрэнсиса Фукуямы [Fukuyama (1992)]. Действительно, во время эпохального крушения мировой социалистической системы впору было думать о «конце истории» и финальном торжестве либеральных ценностей⁵.

зацию и развиваться, как другие подобные страны. Впрочем, такая трактовка сразу же встретила возражения [Rosefelde (2004); в рус. пер.: Розефильд, (2004)].

³ Один из экономических советников в начальный период российских реформ — американский экономист Джеффри Сакс — вспоминает: «Ельцин сказал мне 11 декабря 1991 года, когда мы впервые встретились с ним: “Мы хотим быть нормальной страной”» [Хованская (2015)].

⁴ Краткая история восстания против теории модернизации учеников ее основателей (Иммануила Валлерстайна, Чарльза Тилли) описана Георгием Дерлугьяном в предисловии к книге Тилли «Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992» [Дерлугьян (2009), с. 11–13].

⁵ Реинкарнацией теории модернизации в 1990-е гг. Дерлугьян считает концепцию глобализации и транзитологию, отмечая, однако, что «они были лишены того

Почти четверть века спустя после, казалось бы, столь решительного выбора России в пользу демократии и рынка мы наблюдаем совсем иную картину. Благодаря установившемуся в ней социальному порядку (а также подобных ему в целом ряде постсоциалистических стран на территории бывшего СССР) в совсем еще молодом возрасте пришла в явный упадок такая ветвь теории модернизации, как транзитология⁶. Другая ее ветвь — теория глобализации — находится в несколько лучшем положении, но только за счет очевидного отделения от нее одной из опор концепции модернизации, утверждающей наличие демократии как необходимого атрибута модернизированного общества⁷. Факт этого отделения подтверждает, например, «трилемма мировой экономики», о которой пишет Дэни Родрик⁸. Еще раньше индийский экономист Дипак Лал — горячий сторонник глобализации — писал о том, что она достижима только при условии отказа от вестернизации, иначе говоря, от прав и свобод во всем, что не касается предпринимательства⁹. Но является ли провозглашенная Лалом «модернизация без вестернизации» реальной модернизацией или это нечто совсем иное?

Теория модернизации обладает одним несомненным и безусловным достоинством, перевешивающим ее недостатки и противопоставляющим ее «левым» воззрениям разного рода: она последовательно и неукоснительно увязывает прогресс со свободой. «Основой динамики человеческо-

впечатляющего размаха и серьезного теоретизирования, которые отличали прежнюю школу модернизации» [Дерлугьян (2009), с. 13].

⁶ Хотя инерция 1990-х сохраняется, например, в виде названия экономического журнала “Economics of Transition” или же в новых разделах классификации журнала Американской экономической ассоциации “Journal of Economic Literature”: P2 “Socialist System and Transitional Economies” и P3 “Socialist Institutions and Their Transitions” [JEL classification system (2015)]. С другой стороны, известный в России Институт экономики переходного периода стал несколько лет назад Институтом экономической политики им. Е. Гайдара. Переход к рыночной демократии, составлявший ядро транзитологии как исследовательской программы, прервался; осталась лишь экономическая политика.

⁷ Значение демократии как политической формы существования модернизированного общества подчеркивается Дмитрием Травиным и Отаром Марганьей [Травин, Марганья (2004), с. 40–41; Травин (2015а), с. 18].

⁸ «Мы не можем одновременно поддерживать демократию, национальное самоопределение и экономическую глобализацию. Если нам нужна более глубокая глобализация, следует отказаться либо от национального государства, либо от демократической политики» [Родрик (2014), с. 27].

⁹ Подробнее об этом см.: [Заостровцев (2014), с. 118–168].

го развития является расширение свободы выбора и личной независимости» [Инглхарт, Вельцель (2011), с. 12]. Либертарианцы называют эти качества *самопринадлежностью* [Боуз (2014), с. 77–86]. В связи с этим обратим внимание и на то, что свобода есть ключ к процветанию. Достигнутый в свободных обществах уровень благосостояния все еще остается недостижимой мечтой для самых быстрорастущих авторитарных экономик. Как справедливо отметил Андрей Мовчан, для иллюстрации этого факта традиционное для экономистов сравнение выраженных в процентах темпов экономического роста мало чего дает: качество экономики определяется абсолютными цифрами, а не процентами¹⁰.

Критика теории модернизации идет с разных сторон и разных направлений. В частности, представлена она в книге Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона [Acemoglu, Robinson (2012), p. 443–445], а также двух статьях, написанных ими с соавторами [Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared (2008), (2009)]¹¹. Однако погружение в эту тему увело бы нас далеко в сторону. Поэтому лишь констатируем, что главная ошибка «модернизаторов» — это далеко не только и не столько ставшее едва ли не догмой утверждение об экономическом росте и увеличении богатства населения как источнике институциональных преобразований в направлении к более свободному обществу, включая все аспекты демократизации¹². Тем более что, «скомпро-

¹⁰ Согласно его расчетам за период в 55 лет (1950–2005) на основе неизменных долларов 2005 г., если диктатура устанавливается при росте экономики (увеличении ВВП) более чем на \$ 72 на человека в год, то у страны нет шансов улучшить ситуацию по сравнению с демократическим вариантом. Более того, если диктатура выбирается даже лишь на какое-то время, то существует только 3 шанса из 86 (примерно 3,5 %), что в течение 55 лет рост ВВП вашей страны будет не ниже, чем у страны типа Португалии (если считать его в долларах) [Мовчан (2015)]. За период 1984–2014 гг. среднедушевой ВВП США в долларах 2010 г. вырос на \$ 19 744, тогда как аналогичный показатель Китая за тот же период — лишь на \$ 5577. Это гораздо меньше, чем в Тайване (\$ 15 419) [USDA (2015)]. Приведенные цифры еще раз наглядно подтверждают, что богатство стран соизмеряется сопоставимыми долларами в расчете на каждого ее гражданина, а не процентами роста.

¹¹ Подробнее об этом см.: [Заостровцев (2014), с. 115–116].

¹² Этот тезис был впервые выдвинут классиком политологии Сеймуром Липсетом в 1959 г. «Чем богаче нация, тем вероятнее, что она одобрит демократию» [Lipset (1959), p. 75]. Дальнейшие многочисленные исследования показали, что не все так просто [Дойч, Вухепфеннинг (2012)]. В России же реформаторы ухватились за идею Липсета и интерпретировали разработки данного вопроса Адамом Пшеворским и др. в ее пользу (хотя на самом деле у Пшеворского с соавторами о среднедушевом ВВП говорится не как об условии возникновения, а как об условии сохранения демократии) [Przeworski, Cheibub, Alvarez, Limongi (2000)]. Впрочем, Россия и тут «под-

метированное» Китаем и в особенности Россией, оно ныне звучит более приглушенно. Главное, в чем следует упрекнуть теорию модернизации, так это в уходящей своими корнями еще во французское Просвещение XVIII в. вере в универсальное движение человечества к прогрессу — от традиционных обществ к современным¹³. При этом термин «современные» означает, в сущности, модернизированные со всем присущим им набором характеристик¹⁴.

Кроме того, заявляется, что это превращение происходит в «обязательном порядке» (в итоге никуда не денешься; хочешь не хочешь, а оно так или иначе произойдет), хотя, конечно, признается, что таковое протекает далеко не всегда гладко. «Различные общества, — пишут Травин и Маргания, — *в обязательном порядке* (курсив мой. — А. З.) переходят от традиционного состояния к современному, *в обязательном порядке* (курсив мой. — А. З.) приобретая определенный “набор” современных качеств. Однако они могут это делать быстрее или медленнее, мягче или жестче, с большими издержками или с меньшими» [Травин, Маргания (2004), с. 26–27]. В связи с этим невольно хочется задать вопрос: обременена ли история человечества какими-либо обязательствами?

Позицию сторонников теории модернизации либералы австрийской школы называли бы «историзмом». Как известно, в отличие от приверженцев «историзма», они подчеркивали невозможность по «образцу ньютоновской физики <...> из исторического опыта вывести законы историче-

вела»: в XXI в. она все дальше отходила от демократических начал 1990-х гг. по мере роста доходов. Здесь уместно будет привести сомнение Лала относительно оптимистического видения ситуации Егором Гайдаром: «В результате поворота к авторитаризму, осуществленного Путиным и пользующегося большой общественной поддержкой, требования политических свобод ушли на второй план. Тем не менее Гайдар считает, что с учетом уровня ВВП и образования в стране такие политические требования непременно возникнут в будущем, как это произошло на Тайване при авторитарном гоминьдановском режиме. Я думаю, что такой вариант возможен, но маловероятен» [Лал (2009), с. 11].

¹³ «Модернизация предполагает, что существуют некие *общие* (курсив мой. — А. З.) для всего мира тенденции, закономерности, благодаря которым традиционные общества превращаются в современные...» [Травин, Маргания (2004), с. 31].

¹⁴ Перечень характеристик модернизированного общества см.: [Травин, Маргания (2004), с. 38–47; Травин (2015а), с. 18–19]. В принципе, они во многом совпадают с качествами социума, который Дуглас Норт, Барри Вайнгаст и Джон Уоллис именуют «порядком открытого доступа» и рассматривают в качестве высшей и далеко не всегда достижимой ступени по отношению к «порядку ограниченного доступа» [Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011)].

ской эволюции и “динамических” изменений» [Мизес (2007), с. 189]. Имея в виду выдающихся социальных мыслителей (Герберта Спенсера, Огюста Конта, Карла Маркса), Травин и Маргания писали: «Все эти дети XIX века говорили о том, что мир с неизбежностью движется в заданном направлении» [Травин, Маргания (2011), с. 323]. Этим же отличаются адепты модернизации: они абсолютизируют доминировавшее последние двести с небольшим лет направление изменений в человеческой истории. Нассим Талеб называет людей, опирающихся на пролонгацию прошлых наблюдений в будущее (прогнозирование будущего по образу прошедшего), «индюшками». После 1000 дней откармливания накануне Дня благодарения с индюшкой происходит что-то неожиданное [Талеб (2014), с. 88–90]¹⁵.

Квинтэссенция идеологии модернизации — идея линейно-прогрессивного развития. Отсюда вытекает и концепция догоняющего развития (по Травину и Марганию — «игра в догонялки» [Травин, Маргания, (2004)]). Здесь же и часто повторяющиеся утверждения о том, что далекая от модернизации страна X — это передовая страна Y, только 50–100 лет назад. Подождите немного, и все будет так же или почти так же, как в стране Y¹⁶. В чем-то дух учения наиболее оптимистичных из модернизаторов напоминает сценарий голливудского фильма с *happy end*, где хорошие парни после многих злоключений всегда берут вверх над плохими парнями.

Справедливости ради надо признать, что в последние годы градус оптимизма заметно снизился: можно даже сказать, что теория модернизации стала куда более «приземленной», реалистичной. Инглхарт и Вельцель утверждают: «Прогресс нельзя считать неизбежным. Изменения ценностей, связанные с разными этапами модернизации, носят обратимый характер» [Инглхарт, Вельцель (2011), с. 40]. Не вызывает более однозначного оптимизма и судьба России. Об этом можно судить по книге Травина «Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России». Рассматривается вариант эволюции России в восточном направлении, в сторону Китая, и вероятного вхождения вместе с ним в антизападный альянс на правах младшего и зависимого партнера. «Если Россия станет развиваться в соот-

¹⁵ «Что индюшка может узнать о своей завтрашней судьбе исходя из вчерашних событий?» [Талеб (2014), с. 88].

¹⁶ «Выстраивается иерархия различных исторических общностей по принципу линейного мирового прогресса в соответствии с европейскими критериями цивилизованности, что, разумеется, приводит к европоцентризму и к устойчивому заблуждению насчет того, будто все народы, как бегуны на одной дорожке, с разной скоростью бегут в затылок друг другу в одном направлении» [Пелипенко (2011), с. 113].

ветствии с наметившейся линией, то вероятность печального исхода достаточно велика» [Травин (2015a), с. 275].

В XX в. Россия возглавила глобальную контрмодернизацию, или мировое восстание против капитализма. «Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем» [Блок (1989), с. 370]. Глубинный смысл этого движения как нельзя точно схватил американский экономист-либертарианец Бринк Линдси. Он назвал его промышленной контрреволюцией, или «назад в будущее», которое обещало «все достижения науки и техники через возврат к архаическим социальным ценностям» [Линдси (2006), с. 47]. Маркс преобразовал «ностальгическую тоску по традиционному обществу в пророческое видение исторически предначертанного будущего» [Там же, с. 324]. Архаика пошла в наступление под маской прогресса. И не просто под маской, а с тем реальным оружием (производительными силами), которое к тому времени выковал прогресс.

«Гений промышленной революции заключался не в способности найти компромисс между прогрессом и реакцией, а в ассимиляции продуктов прогресса и их использовании в реакционных целях» [Там же, с. 47]. Более того, новая архаика оказалась в состоянии не только ассимилировать продукты материального прогресса, но и развивать их в тех областях, которые обеспечивали эффективное военное противостояние модернизированным обществам. Осуществлялось же все это научно-техническое развитие в рамках новых общественных отношений, провозглашавшихся посткапиталистическими, но на деле являвшихся взрывной мутацией докапиталистических социальных связей¹⁷.

Так, имело место «растущее убеждение, что национальное экономическое планирование — это веяние будущего» [Там же, с. 115]. Однако в реальности «призывы к централизованному планированию обещали с помощью политических действий восстановить сплоченность деревенской, общинной жизни» [Там же]. И, таким образом, «промышленная контрреволюция умудрилась оседлать разом и прогресс, и ностальгию по прошлому» [Там же]. В результате есть все основания назвать советскую индустриализацию индустриализацией в рамках неообщинного порядка, охватившего собой огромную страну.

Линдси отмечает и еще одну «гениальность» промышленной контрреволюции. Заключается таковая в том, что она обещала одновременно удовлетворение двух потребностей: потребности в консервации старых, анти-

¹⁷ «Тоталитаризм есть реакция традиционного общества на техногенную цивилизацию с использованием всех приобретений этой цивилизации для воскрешения прошлого» [Кантор (2007), с. 100].

рыночных социальных связей и потребности в росте материального благополучия на уровне параллельных (модернизированных) обществ¹⁸. А в перспективе — и выйти на некое подобие рая на Земле, преодолев ограниченность ресурсов¹⁹. Достижение такого невероятного состояния временами казалось массам даже реальным, так как они воспринимали социалистические институты (в марксистской терминологии — производственные отношения) как превосходящие якобы «старые», капиталистические. И дело здесь было не только в государственной пропаганде, которая постоянно внушала миф об их превосходстве; эти отношения были при всей их жесткости простыми и понятными, отвечавшими внутренним представлениям о мире людей, только что вышедших из абсолютно доминирующего социума царской России — крестьянских общин, к которым в силу особенностей их внутренней организации очень подошло бы определение «тоталитарная секта».

Что мы имеем в итоге? Во-первых, традиционные общества не сгинули бесследно и не прозябают где-нибудь на окраинах человеческой цивилизации. В лице России, значительной части бывшего СССР и особенно Китая они смогли продемонстрировать высокую адаптационную эффективность. Ими поглощаются и перевариваются только те компоненты модернизированных обществ, которые не рушат их идентичности в лице их архаичной доминанты (хотя наличие данных компонентов и создает внутренние противоречия, но что делать!). Внешне это «переваривание» выглядит как модернизация, что порождает немало ошибочных мнений. На самом деле в итоге таких квазимодернизаций мы получаем на выходе традиционные общества современного типа (ТОСТ)²⁰.

Во-вторых, в конце XX — начале XXI в. ТОСТ пережили мутацию, представленную в первую очередь превращением командных экономик в административно управляемые рынки. ТОСТ-1.0 обрели новые качества и превратились в ТОСТ-2.0²¹. После чего они возобновили широкое насту-

¹⁸ «Гениальность промышленной контрреволюции заключалась в том, что ее идеи отвечали глубокой потребности в общности и укорененности и одновременно сулили рост материального благополучия» [Линдси (2006), с. 372].

¹⁹ «Все источники общественного богатства пользуются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям”» [Программа (2015)].

²⁰ Мировая социалистическая система во главе с СССР представляла исторически первый тип таких обществ (ТОСТ-1.0).

²¹ При этом, как известно, целый ряд стран, выйдя из ТОСТ-1.0, не стали частью ТОСТ-2.0, а пошли по пути перехода в модернизированный мир благодаря расширению ЕС. Хотя процесс этот для некоторых стран явно не завершен и даже спрово-

пление на модернизированный мир, который за последние два-три десятка лет трансформировался в постиндустриальное общество (общество пост-модерна). Надежда последнего обезопасить себя от традиционалистов за счет растворения их в потоке модернизации оказалась тщетной: бурный экономический рост Китая не превратил эту страну в свободное общество, а Россия после временного отклонения в 1990-е гг. пошла по пути построения властной вертикали, подавившей глубоко чуждые исконной природе ее социума гражданское общество, независимый бизнес и, естественно, политическую демократию. «Конец истории» не состоялся, земная цивилизация не превратилась в спокойное мирное сообщество модернизированных стран, а осталась зоной острого конфликта двух систем: ТОСТ-2.0 наращивает противостояние с постмодерном²².

Дальнейшее наше внимание будет приковано к России как одному из двух ключевых игроков в системе ТОСТ-2.0. И первое, на что стоит обратить внимание, это различные объяснения ее несовместимости с все-сторонней модернизацией, упорного сопротивления и противостояния последней.

Русский Sonderweg и институциональные матрицы

Относительно исторической динамики и возможности (или невозможности) модернизации России, ее разворота в направлении свободного общества существует широчайшая палитра мнений. Владимир Гельман выделил из нее три категории мыслителей: «пессимистов», «оптимистов» и «реалистов». Пессимисты склонны рассматривать историю России как проявление ее особого пути [Гельман (2013), с. 30–42]. В то же время среди сторонников такого взгляда мы находим не только пессимистов. Поэто-

ждается контртенденциями: попытками сблизиться с ТОСТ-2.0 (Венгрия — наиболее яркий пример такого сближения).

²² Исламский фундаментализм в этом конфликте являет собой особую, наиболее архаичную часть ТОСТ, представленную пока не столько государствами (если не считать Иран и Саудовскую Аравию), сколько радикальными движениями и организациями. Он не представлял бы большой опасности для модернизированной Европы конца XIX — начала XX в. с ее безусловным приоритетом права и отсутствием лжегуманизма и политкорректности эпохи постмодерна, которые (и в этом можно согласиться с евроскептиками) становятся самоотрицанием европейской цивилизации. Очевидно, например, что в ту эпоху проблема массового нарушения законов перевозчиками беженцев нашла бы свое быстрое решение на дне Средиземного моря. По этой причине таковая, скорее всего, и не возникла бы изначально. Говоря языком экономистов, доходы не покрывали бы высокие ожидаемые риски перевозчиков.

му Травин и Маргания указали на наличие среди них и оптимистов. Это те, кто видят в особом пути России ее превосходство над миром. Что-то вроде Россия *über alles*. Пессимисты же в особом пути видят обреченность России на отставание, нищету, коррумпированность [Травин, Маргания (2011), с. 713]. И далее авторами дается очень четкая формулировка: «Оба этих подхода сходятся в главном — Россия особая страна. А расходятся данные подходы в выяснении того, хорошо это или плохо» [Там же].

Разумеется, в этом делении «особистов» на два лагеря обозначены полюса, крайности. Однако их воззрения действительно можно разделить на основе критерия близости к тому или иному полюсу. В недавно изданной работе Травина сделана, пожалуй, первая в истории изучения российской общественной мысли попытка выделить разные концепции у «особистов», начиная издалека, еще с «Философических писем» Петра Чаадаева [Травин (2015б)]. В то же время представляется, что работа над их классификацией еще предстоит. никоим образом не претендуя на завершенность этого анализа, попытаемся начать продвигаться от экономического подхода, в центре внимания которого находится концепция зависимости от пути развития («эффект колеи»). При этом по возможности будем пока избегать нормативной стороны проблемы: хорош особый путь или плох²³.

Зависимость от пути развития. У российских экономистов в руках был готовый инструмент для объяснения русского *Sonderweg*: предложенное в середине 1980-х гг. американским экономистом Полом Дэвидом приложение теории QWERTY-эффектов к истории, известное как *path dependence* [David (1985), в рус. пер.: Дэвид (2006а); David (1986)]. «Эффектом колеи» эту теорию стали называть в России, вспомнив слова из песни Владимира Высоцкого про колею. Ее активное обсуждение пришлось на середину первого десятилетия XXI в. Оно было связано с выступлением Дэвида на конференции Высшей школы экономики в Москве [Дэвид (2006б)].

Обзор состоявшейся очной и заочной дискуссии не отразил какого-нибудь оригинального вклада российских исследователей в эту проблему, за исключением Светланы Кирдиной [Нуреев, Латов (2006)]. Однако ее тео-

²³ Что же касается дискуссии о самом факте наличия особого пути, то в случае позитивистских его трактовок не стоит тратить время на доказательство очевидного. Само наличие полуторавековых дебатов о нем свидетельствует в его пользу. Особый путь России — это ее постоянное отторжение системной модернизации и столь же постоянное воспроизводство ею модернизируемой архаики. Принимая такое определение *Sonderweg*, как можно не видеть этот самый путь у страны, которая в XX в. возглавила глобальный поход против модернизации, а в XXI в., после кратковременного отступления, пытается сделать то же самое, правда, в силу изменившихся обстоятельств ища партнерства с Китаем?

рия X- и Y-матриц есть вклад новосибирской школы социологии, которая строится на идеях Карла Полаanyi, и о ней речь впереди. Самым важным выводом дискуссии будем считать заключение о том, что «с институциональными QWERTY-эффектами ситуация сложнее, ведь их первопричина — не в вещах, а в стереотипах мышления» [Там же, с. 252].

Дальше этого общего положения экономисты пойти не смогли и уж тем более не смогли развить его применительно к России. Впоследствии были предприняты отдельные попытки исследовать *path dependence* в конкретных исторических эпизодах, лишь частично разворачивавшихся на территории современной России [Grosfeld, Rodnyansky, Zhuravskaya (2013)]. Правда, исключение представляет разработка проблемы *path dependence* Александром Аузаном, который, кстати, является автором термина «эффект колеи». Исключением в том плане, что он не ограничивается частным, а стремится рассуждать об общем, о траекториях развития нашей страны.

Говоря о модернизации в России, он подчеркивает, что это — не задача; это — проблема, и не факт, что она имеет решение [Аузан (2014), с. 130]. Что же является главным препятствием? Здесь стоит обратить внимание на его слова о сакральном государстве, которое выступает как культурная ценность, препятствующая развитию [Там же, с. 141]. Это утверждение нащупывает ответ на поставленный вопрос, но нельзя не замечать, что исследователи политики из числа неэкономистов продвинулись заметно дальше. Экономистам для такого продвижения надо было бы перестать быть экономистами.

Русская Система и Русская Власть. Одни из первых разработок концепции Русской Системы (РС) и Русской Власти (РВ) можно найти в статье Юрия Пивоварова и Андрея Фурсова [Пивоваров, Фурсов (1999)]. Дальнейшее их развитие дано в целом ряде работ как этих авторов, так и других [Пивоваров, Фурсов (2001); Пивоваров (2002); Бляхер (2002), (2014); Дубовцев, Розов (2007); Пелипенко (2011)]. Список этот далеко не полный. Интересные мысли в том же ключе о природе РВ (не обязательно с употреблением данного термина) можно найти у участников большой дискуссии о кризисе культуры в Фонде «Либеральная миссия» [Клямкин (2011), Яковенко (2011)], а также целого ряда диспутов об истории и историческом сознании [История (2012)]. Нельзя пройти мимо уже цитированной выше книги Владимира Кантора [Кантор (2007)]. Многое дает в плане понимания особенностей власти в России и недавно изданная книга Григория Тульчинского о российской политической культуре [Тульчинский (2015)]. Все эти авторы смогли увидеть главное: преемственность специфической природы власти в стране при всех ее исторических трансформа-

циях. Можно сказать — от Ивана Грозного до Владимира Путина. Если не от монгольских ханов Золотой Орды²⁴.

Согласно Пивоварову и Фурсову, РС включает в себя три элемента: саму власть, утратившее субъектные характеристики население (властепопуляцию) и лишних людей²⁵. «Русская Система — это такой способ взаимодействия ее основных элементов, при котором Русская Власть — единственный социально значимый субъект» [Пивоваров, Фурсов (1999), с. 184]. В ней в качестве связующей нити выступает передельный тип политической культуры²⁶. «Русская политическая культура» сохранила многие свои важнейшие характеристики, и прежде всего передельный тип социальности» [Пивоваров (2002), с. 48]²⁷.

Развернутая характеристика РВ приведена Леонидом Бляхером. Он выделяет четыре ее качества: потребность в единстве при невозможности «естественного» объединения (власть выступает интегрирующим каркасом гетерогенной территории), наличие внешнего ресурса (который можно распределять, наделяя реципиентов статусом подданных), дистанцированность (власть обретает легитимность от чего-то трансцендентального и сакрального), целостность [Бляхер (2014), с. 40–42]. Особое внимание отводится такому качеству, как дистанцированность, или внешний (трансцендентный) источник легитимизации власти. «Легитимизация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти. Опирающаяся на “трансцендентность” власть не нуждается в признании со стороны общества, ее основания и принципы не могут быть предметом переговоров» [Там же, с. 41].

²⁴ «Москва взяла на себя функции *представительницы* завоевателей, собиравшей дань и грабившей Русь от имени и по поручению татар» [Кантор (2007), с. 125–126]. «Монгольское начало Московии сохранилось, и волны “внутренней степи”, которые приходят не извне, а изнутри, из той самой нашей ментальности, гасят эти европейские попытки России» [Там же, с. 10]. Об импорте ордынских институтов см. также: [Кирдина (2014), с. 280–282].

²⁵ «Лишний Человек — это те индивиды или группы, которые не “перемолоты” Властью и поэтому не стали ни ее органом, ни частью Популяции» [Пивоваров, Фурсов (1999), с. 184].

²⁶ «Политическую культуру можно рассматривать как механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта» [Тульчинский (2015), с. 11].

²⁷ «“Передельный” тип — это строй, который принципиально отрицает институт частной собственности в том виде, в каком он существует на Западе» [Пивоваров (2015)].

Этот же аспект привлекает и других аналитиков. Говоря о власти в РС, Андрей Пелипенко замечает: «Власть в РС — это не характеристика политического субъекта и не обозначение соответствующего типа социальных отношений. И даже не сумма первого и второго. Это категория мистико-космологическая, глубоко сакральная, поскольку по сути своей является причиной всякой культурной упорядоченности» [Пелипенко (2011), с. 62]. Согласно Пелипенко, эта власть: а) беспредпосылочна и метафизична (проще говоря, самопричинна и самодостаточна); б) надзаконна (раз закон от самой власти, а не от общественного договора, то закон самой власти не закон); в) неморальна (воля сакральной инстанции выше моральных критериев и им неподотчетна); г) иррациональна (непредсказуема и непостижима; попытка ее рационалистически проанализировать — вызов системе); д) персонифицирована (в лице героя-мессии, призванного спасти погрязших во зле и беспорядке); е) амбивалентна (и податель благ, и источник зла и насилия; царь-злодей остается «батюшкой и заступником») [Там же, с. 63–64]²⁸.

В процессе полемики при обсуждении своего доклада Пелипенко отвергает попытки оппонентов искать аналоги этой власти в других странах. «Вот, мол, Германия когда-то была похожа на Россию: ага, и тут же похожесть превращается в тождество» [Там же, с. 112]. И продолжает: «Аналогий можно придумать множество. Но конфигурация факторов в “Русской системе” уникальна» [Там же, с. 113]. Пелипенко решительно против соскальзывания от уподобления к отождествлению. В русской культуре, конечно, есть и антисистемное качество: либеральная традиция «лишних людей». Однако абсолютной доминантой остается РС с органически встроенным в нее абсолютным большинством (народом как властепопуляцией), сильно отягощенным «соборно-авторитарными ценностями» (термин Тульчинского).

В то же время нас более всего (напомним, что речь идет о русском *Sonderweg*) интересуют не стационарные характеристики РС и РВ, а их передача от поколения к поколению на протяжении нескольких столетий.

²⁸ Похожее толкование природы власти в России можно найти и у Тульчинского: «Власть противостоит народу, чужда ему, и, одновременно, с нею отождествляется судьба народная. Тем самым запускается культурологический и семиотический механизм сакрализации власти. Действительно, сакральное, священное в любой культуре, чтобы стать таковым и подтверждать свой статус должно подчиняться нескольким требованиям. Оно должно быть загадочным, чуждым и недоступным (или очень трудно доступным) для профанов» [Тульчинский (2015), с. 54]. «Российскому сознанию принципиально чужда идея источника полномочий власти как общественного договора, контракта, удовлетворяющего интересы различных сторон» [Там же, с. 58].

Их укорененность в обществе и, как следствие, устойчивость. Трансценденция (высшая ценность) и дистанцированная от общества власть «воспроизводятся на протяжении истории, выступают инвариантом по отношению к конкретным политическим формам, существовавшим на территории Руси (России)» [Бляхер (2014), с. 41–42].

Социальная система России может быть представлена в виде ядра и оболочки. Ядром, определяющим суть данного общества, выступают самосознание и ценностная шкала. Оболочка же представляет собой защитный слой, рассчитанный на взаимодействие с внешним окружением. Ядро пребывает в стабильном состоянии, оболочка, напротив, весьма динамична [Там же, с. 35]. Очевидно, что меняющаяся оболочка есть среда, обеспечивающая адаптивную эффективность системы, ее способность реагировать на внешние вызовы со стороны модернизированных социумов²⁹. Но что лежит в основе воспроизводства ядра?

Передающим механизмом, обеспечивающим преемственность, выступает ментальность³⁰. «Ментальность гораздо более устойчива, чем социальные институты. Именно она есть транслятор традиции, а вовсе не институты. Но может диктовать человеку необходимость возродить старый институт на месте умершего. Но возродить в новой, модернизированной, актуальной форме. Что мы и наблюдаем в ходе смены форм “самодержавного властвования”. Традиционность, традиция — не в социальных институтах, а у нас в головах». Это реплика Алексея Давыдова при обсуждении доклада Эмиля Паина [Куда ведет (2011), с. 179].

В похожем ключе высказывался и Пелипенко в ходе дискуссии по докладу Игоря Клямкина. «Отказ от линейно-прогрессистских схем развития, — говорил он, — сделал возможным важное наблюдение о том, что ментальные программы, соответствующие тем или иным историческим этапам, не стираются последующим развитием. Латентно присутствуя в глубинных слоях ментальности, они либо “ждут своего часа”, либо подспудно просачиваются «наверх», преломляясь и трансформируясь в соответствии с наличными условиями доминирующего уклада» [Там же, с. 179].

²⁹ Здесь уместно будет вспомнить американского экономиста Дугласа Норта с его определением адаптивной эффективности. «То, что я называю адаптивной эффективностью, — писал Норт, — представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать новые институты с появлением очередных проблем» [Норт (2010), с. 242].

³⁰ Кантор писал, что под ментальностью он понимает «не только умственный и духовный строй народа, но и особенности его эмоциональных реакций, его привычки, характер и жизнеповедение» [Кантор (2007), с. 34].

Давыдов подчеркивал сохраняющееся значение общинного принципа³¹. Этот принцип (разумеется, его дух, а не исчезнувшая реальность) и образует, по всей видимости, специфику традиционности России. В свою очередь, Кантор выделяет семь особенностей национального социально-психологического типа, или российской ментальности, ставя на первое место отсутствие частной собственности, ее психологическое неприятие. Он выводит ее из так называемого «монгольского права на землю», когда вся земля была хана и отсюда в представлении русского крестьянина земля ничья, божья, т. е. общая, а значит, в конечном счете государственная. Находится среди этих особенностей и место общинности [Кантор (2007), с. 42–43].

Создатели и последователи концепций РС и РВ («руссистемщики») разрабатывают адекватный исследуемому социуму понятийный аппарат. Это очень важно, поскольку разговор о России в модной ныне понятийной среде социальных наук, предназначенных для описания рыночных демократий, бесплоден. Он напоминает попытку скосить траву рельсоукладчиком. Дело не в плохом рельсоукладчике — он может быть и в отличном состоянии (допустим), но вот для косьбы не подходит³². Бесконечные поиски среднего класса или гражданского общества в России, отталкивающиеся от зарубежных учебников социологии и политологии, — яркие тому свидетельства.

³¹ «Да, русская крестьянская патриархальная община как социальная форма исчезла. Но общинный принцип формирования социальных отношений никуда из нас не ушел. Он — в нас. В нашем менталитете. И он каждый день, каждый час требует от нас возрождения себя в нашем поведении» [Жуда ведет (2011), с. 179].

³² Об этой несовместимости пишет Симон Кордонский. «Корпус заимствованных знаний составляет основное содержание так называемых общественных наук. Но, с моей точки зрения, гуманитарное научное знание, в отличие от естественно-научного, не может быть заимствовано, отчуждено от материнской — рыночной основы и перенесено в сословное мироустройство без фундаментальных искажений, прежде всего потому, что его объекты — люди и отношения между ними — принципиально различаются в сословном мироустройстве и в классовых обществах» [Кордонский (2008), с. 142]. Россия, по Кордонскому, есть сословное общество, Запад — классовое. Эта несовместимость особо остро ощущается автором данного препринта при преподавании курса “Public Economics”. Теоретическое описание общественно-экономического сектора в рыночных демократиях в зарубежном учебнике не только имеет очень мало общего с тем, что есть в России; студенты просто не в состоянии адекватно воспринять хотя бы термин “public”, ибо это требует опыта взросления в подконтрольном обществу государстве, которого они абсолютно лишены. В то же время описание реальной РВ в учебнике невозможно хотя бы по той причине, что на фоне правового государства оно есть государство мафиозного типа (*mafia-type state*).

Не случайно даже работающие в жанре новой институциональной экономики исследователи мало что могут сказать о природе российских институтов, ибо скрывается она в глубинных пластах национального сознания, общественного мышления *a la russe*. А проникновение в него, как уже отмечалось, — явно не их профиль. В основе РС лежит «особый режим установления participационных отношений с источником порядка, при котором сознание индивидуума априорно полагает себя как часть по отношению к внеположенному целому» [Пелипенко (2011), с. 59].

Эта внеположенность означает, что индивид не имеет источника порядка внутри себя, а значит, не способен к развитию в себе личностного начала. «Путь к самодостаточности и, соответственно, внутренней свободе для него закрыт. А потому *рабы могут терпеть все, кроме свободы*» [Там же]. Таким образом, в основе русского мироздания находится тип личности, бегущий от свободы.

И, наконец, это объясняет постоянное воспроизводство несвободы в историческом времени. Смена облика политической власти (от царского режима к большевикам, от большевиков к «олигархическому коллективизму» путинской эпохи) не меняет ее извечного предназначения как убежища от свободы. Ведь ментальная установка человека принципиально не изменяется. Неспособность к самоуправлению, ответственности и самоограничению (свобода всегда превращается в анархическую волю) заставляет доминирующий в России тип личности постоянно «вручать себя» деспотической власти. Искать в ней спасения от самого себя. Экономисты назвали бы эту модель поведения методом сокращения транзакционных издержек через внешнее организованное насилие.

Можно по-разному относиться к такому объяснению русского Sonderweg. Например, видеть в нем некую мистификацию, построенную на априорных суждениях о типе ментальности. А можно и счесть за раскрытие загадки русской истории. Как бы то ни было, оно следует за ней, вникает в нее, а не пытается искусственно встроить ее в прокрустово ложе не подходящих для ее описания теорий.

Институциональные матрицы. Под несколько иным углом зрения ту же загадку стараются распутать представители Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ), основанной известным социологом Татьяной Заславской. Речь идет о теории институциональных матриц [Бессонова (2006), (2015); Кирдина (2004), (2005), (2014); Кирдина, Малков (2010)]. Она довольно широко известна и даже преподается во многих российских университетах. Есть смысл указать только на ее самые ключевые положения и отличия от теории «руссистемщиков».

Начнем с определения, что такое институциональная матрица³³. Согласно Кирдиной, это «устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер — экономической, политической и идеологической» [Кирдина (2014), с. 67]. Кроме того, это «система с эндогенной программой по самовоспроизводству» [Бессонова (2015), с. 14]³⁴. Очевидно, что если следовать понятийному аппарату «руссистемщиков», то РС и РВ войдут в Русскую матрицу (РМ)³⁵.

В рамках «матричной» концепции выделяются два типа матриц. У Кирдиной они обозначаются латинскими буквами X и Y, Бессонова предпочитает говорить о раздаточной и рыночной матрицах [Кирдина (2004), (2014); Бессонова (2015)]. Раздаточной матрице соответствует X-матрица, рыночной — Y-матрица. Что же они в себя включают?

X-матрице присущи следующие базовые институты: а) редистрибутивная экономика, сущностью которой является обязательное опосредование центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию; б) институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства; в) доминирование коллективных, надличностных ценностей, приоритет Мы над Я, т. е. коммунитарная идеология.

Для ее противоположности — матрицы Y — характерно следующее: а) институты рыночной экономики; б) федеративное (федеративно-субсидиарное) политическое устройство; в) доминирующая идея индивидуальных, личностных ценностей, приоритет Я над Мы, т. е. индивидуалистская идеология [Кирдина (2014), с. 71–72].

Далее следует обратить внимание на первое отличие от «руссистемщиков». Последние не строят глобальных теорий, о чем говорят хотя бы сами термины РС и РВ. Для них дело ограничивается преимущественно Россией, а часто и только Россией. Более того, как мы видели, они настаивают на уникальности страны в силу уникальности ее менталитета. Поэтому их

³³ Сам термин «институциональная матрица» был впервые введен Карлом Поланьи. О зарождении и последующих трактовках этого понятия см.: [Кирдина (2014), с. 34–42].

³⁴ «Само слово “матрица” происходит от латинского *matricis*, что значит “матка”. В этом смысле матрица означает общую основу, схему, некую исходную, первичную модель, форму, порождающую последующие воспроизведения чего-либо» [Кирдина (2014), с. 67].

³⁵ Впоследствии Пелипенко стал также пользоваться понятием «матрица» [Пелипенко (2013), (2015)]. Однако заимствованный термин не означает изменения концепции в целом, и, несомненно, взгляды Пелипенко отвечают позиции «руссистемщиков».

можно назвать жесткими «особистами». В то же время два типа матриц у НЭСШ охватывают весь мир: страны делятся на те, где X-матрица доминирует, а матрица Y носит комплементарный характер; и их противоположности с доминированием Y-матрицы и комплементарностью матрицы X. Матрица X доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америки; матрица Y — в большинстве стран Европы, Северной Америке, а также в Австралии и Новой Зеландии [Там же]. Тот же «глобализм» прослеживается и у Бессоновой. «Рынок и раздаток — это две базовые модели развития человечества, не существующие одна без другой и взаимодействующие по принципу “доминантность — компенсаторность”» [Бессонова (2015), с. 5]. И далее: «Экономики разных стран развивались либо на доминанте рынка, либо на доминанте раздатка» [Там же]. Россия (ее матрица) имеет свои существенные особенности, но в основе это все-таки общая для половины мира матрица.

Обратим внимание на интересный феномен: юрист-либертарианец Владимир Четвернин, опираясь на концепцию логоцентрических обществ Пелипенко (это общества, где сакрализованное слово или, иначе, Должное создает реальность), тоже выводит, в сущности, две матрицы человеческого бытия, хотя и не пользуется при этом термином «матрица». Он именует их культурами правового и потестарного типа. Институты последних, в сущности, близки к X-матрице. В рамках этих двух культур он выделяет три типа цивилизации: правового типа, потестарного типа и смешанные. Последние комбинируют в себе две культуры и делятся на Западный социал-капитализм (смешанный тип на основе развитых правовых институтов) и Восточный социал-капитализм (смешанный тип с неразвитыми правовыми институтами) [Четвернин (2014), с. 186–189]. В этом случае важно отметить то обстоятельство, что исследователи, принципиально расходящиеся в нормативных оценках рассматриваемых социальных порядков (этих оценок мы еще коснемся), приходят к схожему делению в случае позитивистского анализа и, более того, распространяют его на всю историю человеческой цивилизации.

Возвращаясь к расхождениям между анализируемой концепцией матриц НЭСШ, с одной стороны, и «руссистемщиками» — с другой, нельзя пройти мимо различий в их трактовках происхождения воспроизводимых и устойчивых в историческом времени качеств социальных порядков. Кирдина выводит тот или иной тип матрицы из материально-технической среды³⁶. Коммунальная среда порождает X-матрицы, некоммунальная —

³⁶ «Материально-техническая среда понимается как обусловленная природными условиями общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения

Y-матрицы³⁷. Это суждение в конечном счете строится на географическом детерминизме, что и не отрицается. В подкрепление аргументов применительно к России дается ссылка даже на нашумевшую в свое время книгу Андрея Паршева «Почему Россия не Америка?» [Кирдина (2014), с. 270]. Не ставя своей главной задачей критику такого подхода, все же нельзя удержаться от следующего шага. Прочитываем одну фразу: «Замечено, что чем более территория, на которой расположено государство, подвержена рискам, связанным с суровым или пустынным климатом, резкими колебаниями температур, угрозой засухи или, наоборот, наводнений, с регулярными цунами, с опасностью вулканических извержений, сильными морозами и прочими катаклизмами, тем с большей вероятностью можно ожидать формирования в этих условиях коммунальной материально-технической среды» [Там же, с. 86].

Не будучи даже гидрометеорологом, легко заметить, что большая часть этого описания довольно точно характеризует природно-климатические условия США — воплощение Y-матрицы. Кроме того, так ли уж климат в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) отличался от соседней Московии где-нибудь в XV–XVI вв.? Особенно с учетом того факта, что тогдашняя восточная граница ВКЛ проходила где-то по территории нынешней Смоленской области. Можно тут вспомнить и о Новгородском княжестве с его более близкими Y-матрице социальными порядками. Как тут у нас с климатом и стихийными бедствиями?

Апелляция «руссистемщиков» к импорту институтов Золотой Орды и укоренившимся на их базе ментальным моделям не имеет таких логических провалов. Правда, в этом случае со своей теорией не выйдешь на глобальную арену. Россия сама по себе мало кому интересна. Однако ограничение области исследовательского поиска одной страной выглядит выигрышнее погони за сомнительной общностью материально-технической базы России, Китая и Индии, а заодно и многих других стран с доминированием X-матрицы из разных концов Земли.

жизнедеятельности населения, с присущими им технологиями и системами управления» [Кирдина (2014), с. 83].

³⁷ «Коммунальность подразумевает неразрывность связей между элементами материально-технологической среды и ее существование как взаимосвязанного целого под общим управлением» [Кирдина (2014) с. 83]. Напротив, «некоммунальность означает технологическую разобщенность, возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования» [Там же, с. 84].

Что впереди?

В этой части обратимся к самому главному различию между концепцией институциональных матриц НЭСШ и «руссистемщиками». Заключается оно в видении будущего. «Руссистемщики» (разумеется, из числа пессимистов) пророчат крах РМ. И это закономерно. Ведь в вопросе о сравнительной эффективности они решительно на стороне модернизированного мира: социальный порядок РМ видится им доживающим свой век анахронизмом, реликтовым общественным организмом, несмотря на все его исторические трансформации.

Если обратиться к видению Пелипенко, то он «делит мир» несколько иначе, чем Кирдина и Бессонова. У него в логоцентрическую систему, которая, казалось бы, должна быть близким аналогом того социального устройства, которое попадает в X-матрицу или раздаточную систему, не входят Индия и Дальний Восток. К ней он относит только Россию и «цивилизации традиционного ислама». И это есть эшелон «уходящего и обреченного на историческое поражение логоцентризма»³⁸. Поскольку «как целое российская культурно-цивилизационная система нежизнеспособна и нетрансформируема», то ей «предстоит трансформироваться по частям» [Куда ведет (2011), с. 47]. И вслед за этим следует даже количественный прогноз о том, что «распад нынешней геополитической конфигурации начнется лет через пять-семь» [Там же]. Заметим, что со времени выступления Пелипенко на опубликованной дискуссии уже прошло пять лет.

В чем заключены причины надвигающегося краха? Дело в том, что РС подавляет «личностное начало», развитие которого есть основное условие прогресса. «По мере удаления от Средневековья роль личности как ментально-культурного типа неуклонно возрастает. Это делает РС все более неадекватной историческому мейнстриму» [Пелипенко (2011), с. 60]. Будущее Пелипенко видит в распаде страны. «Приближается следующая после распада СССР фаза — фаза дезинтеграции и регионализации, которая, с моей точки зрения, является абсолютно неизбежной» [История (2012), с. 224].

А что после распада? «Некоторые регионы, которые окончательно выпадут из «русской системы», могут в той или иной форме интегрироваться с Восточной Европой. Именно она, вероятно, имеет некоторую историче-

³⁸ Удивительно совпадение видения одного из наиболее пессимистичных «особистов» с эволюционировавшим в сторону пессимизма «модернизатора». «Исторически судьба России, — пишет Травин, — несмотря на то, что мы — страна христианская, напоминает, скорее, судьбу исламского мира» [Травин (2015а), с. 167].

скую перспективу в плане второй редакции или продолжения европейско-го модерна» [Там же, с. 225]. Развитие этой темы потребовало бы много места и не входит в число актуальных задач нашей работы. Однако кратко все-таки стоит прокомментировать данный вывод.

Русь, подобно Римской империи, разделилась на Западную и Восточную после покорения ее татаро-монголами. Западная часть в конечном счете вошла в состав ВКЛ. Восточная с новым центром в Москве трансформировалась в филиал (колонию) Золотой Орды, управлялась, говоря современным языком, на принципе франчайзинга (ярлыки на княжение) и со временем впитала в себя ее институты. Потом колония восстала против метрополии, но успех восставших не изменил главного: Московия стала институциональной реинкарнацией ордынских институтов, своего рода оседлой Ордой (монголы в период своего господства именовали Московию Ак-Ордой, т. е. Белой Ордой). И этот факт объясняет последующее ее наступление на чуждые ей порядки соседних этнически и религиозно близких групп: Новгород и ВКЛ. Русская X-матрица выдавливала из своего ближайшего окружения чуждую ей Y-матрицу³⁹. «Пещерный медведь варварства» бросал вызов цивилизации. Кстати, судя по продолжающемуся конфликту с Украиной, с тех пор мало что изменилось. Разве что системы залпового огня, но это непринципиально.

Говоря о возможном распаде России, Пелипенко, по всей видимости, связывает будущее примыкающих к Западу территорий РФ с вхождением их (по мере выхода из РС) в тесный союз с Восточной Европой как региона, в наименьшей степени затронутого негативными сторонами постмодерна (политкорректностью, энвайронментализмом, феминизмом и т. п.), обессиливающими Западную Европу. Иначе говоря, можно вообразить что-то вроде ВКЛ-2.0, которая начнет модернизацию-2.0, избавляя хотя бы часть Европы от ее слабостей. Впрочем, и здесь Пелипенко остается пессимистом, говоря, что «вопрос о возможности “второго дыхания” модерна — это вопрос о темпах и методах ухода “белой цивилизации” с исторической сцены» [История (2012), с. 225].

Перейдем теперь к оценке перспектив теоретиками НЭСШ. Картина здесь окажется совершенно иной. Дело в том, что для них общества раздатка или X-матрицы нисколько не хуже, чем их противоположности. Для

³⁹ «Цивилизация, воплощающаяся в облике “агрессивного” и одновременно “загнивающего Запада”, воспринимается традиционными и тоталитарными обществами как нечто чуждое, идущее извне, грозящее национально-почвенным идеалам, а потому и как губительная сила. Стало быть, против носителей этой цивилизации и ее принципов следует применить насилие» [Кантор (2007), с. 101].

«особистов-пессимистов», как мы убедились выше, свойственные этим социальным порядкам отношения выступают как тормозящая развитие архаика, наследие традиционного общества, которое чем устойчивее, тем дальше загоняет отягощенные их доминированием страны в тупик, где их ждут разные социальные потрясения. В этом своем видении «особисты-пессимисты», как уже отмечалось, недалеко от модернизаторов. Разве что последние ожидают в финале *happy end* в результате размывания институтов традиционного общества институтами модерна и постмодерна (в терминологии НЭСШ — вытеснения институтов раздатка рынком или X-матрицы Y-матрицей). Тогда как пессимисты сходны с НЭСШ в том, что видят, как на протяжении веков эти самые раздатки или X-матрицы меняются, чтобы выжить, и, как правило, успешно выживают: активно сопротивляются периодическим попыткам их альтернатив занять доминантное положение (для удобства восприятия эти три позиции представлены нами в таблице). Модернизация в таком случае становится похожей на коммунизм, который, как известно, в советское время был всегда на горизонте.

Таблица. Три взгляда на будущее

Позиции	Социальный порядок	Эффект	Историческая судьба
НЭСШ	X-матрица, раздаток	Обеспечивают развитие	Устойчивость через эволюцию
Особисты-пессимисты («руссистемщики»)	Русская система, Русская матрица	Ведут к упадку	Устойчивость через эволюцию
Модернизаторы	Традиционные отношения	Ведут к упадку	Вытесняются в ходе модернизации

Восприятие долгосрочной институциональной динамики позволяет НЭСШ выстраивать логически стройные теории истории, что, разумеется, далеко не означает их права на истину. Безусловно, речь здесь должна идти о концепции институциональных циклов русской истории и их фаз [Бессонова (2015), с. 40–78], а также институциональных траекторий на основе рынка и раздатка [Там же, с. 79–99]. Пересказывать их не имеет смысла, однако стоит указать на их основания.

Они базируются на теории, которую можно назвать теорией пульсации. Если изложить ее очень обобщенно, то она заключается в периодиче-

ских изменениях соотношений между доминантными и комплементарными институтами, но при этом они не меняются ролями. Так, если в обществе с доминирующей X-матрицей усиливаются элементы Y-матрицы, то это происходит лишь до определенного предела, после достижения которого начинается обратный процесс. Что-то похожее наблюдается в обществах с доминантной Y-матрицей, но только ровно наоборот: усиление элементов X-матрицы имеет определенные границы, при достижении которых начинается попятное движение. Кирдина называет эти колебания «поиском институционального баланса» [Кирдина (2014), с. 260].

Институциональные колебания, как видим, сочетаются с институциональной устойчивостью. Такая теоретическая установка напрочь исключает модернизацию. Если в упоминавшейся выше книге Норта, Уоллиса и Вайнгаста переход от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа (иначе говоря, модернизация) очень труден, но возможен, то НЭСШ полностью его исключает. Доминантная X-матрица всегда остается таковой. Смены ролей не происходит. Называется это «неуязвимостью институциональных матриц» [Там же, с. 215]⁴⁰. Согласно Кирдиной, даже Япония, несмотря на все послевоенные преобразования, так и осталась страной с доминирующей X-матрицей [Там же, с. 255–256, 300, 328–329].

Допускается возможность навязанных извне радикальных институциональных изменений. В качестве примера приводятся страны Восточной Европы, которым СССР после Второй мировой войны навязал свою X-матрицу. Однако при первой возможности все вернулось на круги своя и матрица Y снова обрела подобающие доминирующей матрице институциональные формы [Там же, с. 250].

С теорией институционального балансирования связана разработанная НЭСШ теория революций. Они представляют собой взрывную реакцию на слишком глубокое внедрение чуждой матрицы. Реакции, которая в конечном итоге восстанавливает статус-кво. «Революции, часто воспринимаемые как коренное обновление общественного устройства, выступают ответной спонтанной реакцией самоорганизующегося общества на деятельность по изменению инкрементных траекторий общественного раз-

⁴⁰ Предлагается даже количественная оценка допустимого уровня внедрения «чуждых институтов». «Критическим уровнем для внедрения альтернативных институциональных форм является показатель в 30–40 %. При превышении этого значения возникает угроза потери доминирующего положения базовых институтов» [Кирдина (2014), с. 268]. Правда, здесь неясно, от каких конкретно индикаторов отсчитываются эти проценты.

вития. Революции не изменяют, но восстанавливают доминирующее положение институциональной матрицы, пошатнувшееся в результате активности социальных групп» [Там же, с. 215]⁴¹.

Институциональное балансирование и устойчивость доминантных институтов объясняет и провалы радикальных реформ. «Трансформационные фазы задумывались реформаторами не как вспомогательные этапы развития раздаточной экономики, а как действительный переход к рыночной организации хозяйства. Однако весь комплекс изменений приводил к парадоксальному эффекту: вместо перехода от раздаточной к рыночной модели происходило восстановление самой раздаточной модели» [Бессонова (2015), с. 76–77].

Институциональная теория НЭСШ видит будущее в розовом цвете. Впрочем, как и прошлое. Раз институциональная X-матрица или общество раздатка ни в чем не уступают своим альтернативам, то их доминирование не только не препятствовало развитию, но и временами якобы позволяло выходить в мировые экономические лидеры⁴². Тут хочется попросить автора подтвердить этот тезис какими-либо экономическими показателями ответственных исследователей, которые уже после развала СССР занимались примерными подсчетами реальных объемов ВВП этой страны, не говоря уже о цифрах, характеризующих уровень потребления советских граждан. Однако вместо этого встречаемся с прогнозом. Впереди мир ждет новая конвергенция: сближение на основе усиливающегося синтеза двух моделей: Запад все больше будет становиться социальным государством, а России предстоит органически соединить план и рынок в виде следующего этапа в развитии, названном «контрактным раздатком» [Бессонова (2015), с. 95–99].

В рамках концепции биполярного мира (состоящего из двух типов доминантных матриц) утверждается едва ли не бесконечный потенциал развития, заложенный в X-матрицах⁴³. Этот потенциал демонстрируется с по-

⁴¹ Применительно к России это звучит так: «Через революции общество спонтанно, стихийно искало пути возврата к доминанте институциональной X-матрицы, которую пытались заменить на альтернативную Y-матрицу в ходе предпринимаемых еще со времен Петра I экономических и политических реформ» [Там же, с. 284].

⁴² «Базовые институты раздатка воплощались в сложно устроенный хозяйственный механизм, не раз уже выведивший Россию в мирового экономического лидера» [Бессонова (2015), с. 53].

⁴³ «Не меняя своей природы, коммунитарные институты, соответствующие природе X-матрицы, каждый раз возрождаются в новых, более соответствующих времени и духу эпохи, формах» [Жирдина (2014), с. 332].

мощью графика, где страны с доминирующими институциональными X-матрицами догнали и с недавних пор опередили страны с доминирующими институциональными Y-матрицами [Кирдина (2014), с. 313]. Делается вывод о том, что «будет происходить укрепление биполярности мира, что будет способствовать снижению хаоса и укреплению стабильности международных отношений» [Кирдина (2014), с. 317].

Подводя итоги

Теория модернизации испытывает серьезные проблемы по одной простой причине: из-за абсолютизации глобальных успехов рыночной экономики и демократий во второй половине XX в. Крах мировой социалистической системы придал ей мощный импульс. В 1990-е гг. действительно казалось, что раскол мира уходит в прошлое и все страны обретают более-менее единый социальный порядок. Однако мир оказался куда сложнее, противоречивее и не радостнее, чем о нем думали адепты этой теории.

Представители альтернативных ей воззрений правы в том, что традиционное общество (под какими бы терминами оно ни скрывалось у разных теоретиков) оказалось жизнеспособным. Оно отвечает на вызовы модернизированных обществ (и, если угодно, постмодернизированных) собственными институциональными эволюциями и революциями. И меняется ровно настолько, чтобы при этом не утратить своих коренных черт. Черты же эти в своей совокупности составляют то, что определено как особая парадигма, подчиняющая частное возведенному в абсолют целому. Формы этого подчинения могут быть разнообразными, но его присутствие в любом случае направлено против суверенитета личности, ее свободного развития. Это и является тем фактором, который постоянно мешает ТОСТ идти вровень со свободным миром в качестве инновационной экономики. Хотя этот мир сегодня отягощен многими болезнями постмодерна, которые заметно замедляют его динамизм и в конечном счете могут поставить под вопрос его лидерство.

Нельзя не замечать, что глобальный конфликт двух систем — ТОСТ и рыночных демократий — обретает новую силу. Внедрение и расширение рыночной составляющей позволило первым ускориться в развитии и трансформироваться из классического социализма в ТОСТ-2.0. В то же время их дальнейшее продвижение в этом направлении грозит утратой собственной идентичности. В политическом плане это означает, что авторитарная модель правления сталкивается с внутренним вызовом: либо она, либо дальнейшее высвобождение рыночных сил. Поскольку капитуляция рассматривается правителями как абсолютно неприемлемый выход,

то остается одно: использовать тот резерв, который более всего доступен. И таковым является ускоренная милитаризация с демонстрацией агрессивных намерений по отношению к враждебной модели общественного бытия. Россия борется с ней на Украине, Китай — в Южно-Китайском море, провоцируя США. Это отвлекает население от внутренних проблем и создает консолидирующий общество образ врага. Впрочем, оно и само в силу имперского самосознания несет в себе таковой.

В то же время наращивание военных угроз посылает и сигнал противоположной стороне о потенциально высокой цене давления на «заповедную зону» ТОСТ-2.0, внедрения в ее социальный порядок. Не случайно к ядерному оружию рвется Иран, а Северная Корея развивает его при крайне скромном общем экономическом потенциале. Обладание им дает преимущество в игре, где знание о неготовности другой стороны нести значительные жертвы при демонстрации собственной готовности к ним дает надежду на постоянные уступки (в теории игр эта линия поведения обозначается как «игра в цыпленка»).

РМ должна быть предметом отдельного рассмотрения. Есть основания трактовать ее как обреченную социальную модель, но высказываемый оптимизм относительно ее скорой кончины, скорее всего, неоправдан. Согласимся с тем, что издержки преодоления российского неопатримониализма чрезвычайно высоки [Gel'man (2015)]. Условием этого действительно выступает серьезное нарушение территориальной целостности страны. В противном случае имперско-мессианская ментальность будет постоянно поддерживать сохранность социального устройства. Оптимистический вариант сближения отколовшихся западных регионов с Восточной Европой есть лишь смутная проекция, которая может быть больше фантастической гипотезой, чем реально ожидаемым результатом.

Впрочем, будущее непредсказуемо, а потому стоит обратиться к настоящему РМ, которое и станет предметом следующего исследования.

Литература

1. Аузан А. (2014). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер.
2. Бессонова О. Э. (2006). Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН.
3. Бессонова О. Э. (2015). Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Политическая энциклопедия.
4. Блок А. А. (1989). Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. М.: Правда.

5. Бляхер Л. (2002). «Презумпция виновности». *Метаморфозы политических институтов в России // Pro et Contra*. Т. 7. № 3. С. 77–91.
6. Бляхер Л. (2014). *Искусство неуправляемой жизни*. Дальний Восток. М.: Европа.
7. Боуз Д. (2014). *Либертарианство: история, принципы, политика*. Москва; Челябинск: Социум.
8. Васильев Л. (1990). *Кризис социализма // Через тернии / Сост. А. А. Проташик*. М.: Прогресс. С. 9–89.
9. Гельман В. Я. (2013). *Из огня да в полымя: российская политика после СССР*. СПб.: БХВ-Петербург.
10. Дерлугьян Г. (2009). *Военно-налоговая теория государства // Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992*. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 8–16.
11. Дойч Ф., Вухенфеннинг Ю. (2012). *Модернизация и демократия: переосматривая теории и факты* (<http://gefter.ru/archive/6924>; дата обращения: 25.11.2015).
12. Дубовцев В. А., Розов Н. С. (2007). *Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис*. № 3. С. 8–23.
13. Дэвид П. (2006а). *Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 139–150.
14. Дэвид П. (2006б). *Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 183–207.
15. Заостровцев А. П. (2014). *О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю?* СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
16. Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство.
17. *История и историческое сознание (2012) / Под общ. ред. И. М. Клямкина*. М.: Фонд «Либеральная миссия».
18. Кантор В. К. (2007). *Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности*. М.: РОССПЭН.
19. Кирдина С. Г. (2004). *X- и Y-экономики: институциональный анализ*. М.: Наука.
20. Кирдина С. Г. (2005). *Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) // Постсоветский институционализм / Под ред. проф. Р. М. Нуреева и В. В. Дементьева*. Донецк: Каштан. С. 75–101.
21. Кирдина С. Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию*. М.; СПб.: Нестор-история.
22. Кирдина С. Г., Малков С. Ю. (2010). *Два механизма самоорганизации*

экономики: модельная и эмпирическая верификация. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН.

23. *Клямкин И. (2011)*. Ловушки демилитаризации. Обсуждение доклада Игоря Клямкина «Демилитаризация как историческая и культурная проблема» // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство. С. 261–306.

24. *Кордонский С. Г. (2008)*. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

25. *Куда ведет кризис культуры? (2011)*. М.: Новое издательство.

26. *Лал Д. (2009)*. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство.

27. *Линдси Б. (2006)*. Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Бук.

28. *Мизес Л. фон. (2007)*. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум.

29. *Мовчан А. (2015)* Экономически успешная диктатура. Вероятность чуда 3,5 %. (<https://slon.ru/posts/50533>; дата обращения: 20.11.2015).

30. *Норт Д. (2010)*. Понимание процесса исторических изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

31. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011)*. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.

32. *Нуреев Р., Латов Ю. (2006)*. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 228–256.

33. *Ослунд А. (1996)*. Россия: рождение рыночной экономики. М.: Республика.

34. *Пелипенко А. (2011)*. Российская ментальность до и после смерти «Должного». Обсуждение доклада Андрея Пелипенко «"Русская система" в культурном измерении» // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство. С. 56–117.

35. *Пелипенко А. (2013)*. Судьба Русской матрицы (<https://rufabula.com/articles/2013/06/19/russian-matrix>; дата обращения: 27.11.2015).

36. *Пелипенко А. (2015)*. Проклятье Русской матрицы (<http://apelipenko.ru/Наука/Статьи/СтатьиоРоссии/ПроклятьеРусскойматрицы.aspx>; дата обращения: 27.11.2015).

37. *Пивоваров Ю. (2002)*. Русская политическая культура и political culture (общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. Т. 7. № 3. С. 23–50.

38. *Пивоваров Ю. (2015)*. Наука о политике и Правда о «Русской системе». Беседа с историком (<http://www.politstudies.ru/universum/esse/9pvv.htm>; дата обращения: 22.11.2015).

39. *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. (1999)*. Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. Т. 4. № 4. С. 176–197.

40. *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. (2001)*. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Полис. № 4. С. 37–48.

41. *Программа Коммунистической партии Советского Союза (2015)*. (http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/062.htm; дата обращения: 20.11.2015).

42. *Родрик Д. (2014)*. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара.

43. *Розефильд С. (2004)*. Ненормальная страна // ЭКОВЕСТ. Т. 4. № 2. С. 350–366.

44. *Тaleb Н. Н. (2014)*. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.

45. *Травин Д. Я. (2015а)*. Крутые горки XXI века: постмодернизация и проблемы России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

46. *Травин Д. Я. (2015б)*. Теории особого пути России: классики и современники. Препринт М-43/15. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

47. *Травин Д. Я., Марганя О. Л. (2004)*. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica.

48. *Травин Д. Я., Марганя О. Л. (2011)*. Модернизация от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ; Астрель; СПб.: Terra Fantastica.

49. *Тулчинский Г. Л. (2015)*. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя.

50. *Хованская А. (2015)*. Американский экономист Джеффри Сакс: Ельцин говорил мне, что Россия хочет быть нормальной страной. Но мы этого не хотели // Комсомольская правда. 16 апреля. (<http://www.kp.ru/daily/26368.4/3249295>; дата обращения: 18.11.2015).

51. *Четвернин В.А. (2014)*. Понятие права: конкурирующие парадигмы // Капитализм и свобода: сборник статей. СПб.: Нестор-история. С. 161–205.

52. *Шлейфер А., Трейсмэн Д. (2004)*. Нормальная страна // ЭКОВЕСТ. Т. 4. № 1. С. 44–78.

53. *Яковенко И. (2011)*. Репрессивная традиция. Обсуждение доклада Игоря Яковенко «Русская репрессивная культура и модернизация» // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под ред. И. М. Клямкина. М.: Новое издательство. С. 191–260.

54. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2008)*. Income and Democracy // American Economic Review. Vol. 98. N 3. P. 808–842.

55. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2009)*. Reevaluating Modernization Hypothesis // *Journal of Monetary Economics*. 2009. Vol. 56. N 8. P. 1043–1058.

56. *Acemoglu D., Robinson J. A. (2012)*. *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Business.

57. *Aslund A. (1995)*. *How Russia Became a Market Economy*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

58. *David P. A. (1985)*. Clio and Economics of QWERTY // *American Economic Review*. Vol. 75. N 2. P. 332–337.

59. *David P. A. (1986)*. Understanding the Economics of QWERTY: The Necessity of History // *Economic History and the Modern Economist* / ed. By W. N. Parker. Oxford: Blackwell. P. 30–49.

60. *Fukuyama F. (1992)*. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

61. *Gel'man V. (2015)*. The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism in Russia // *Post-Soviet Affairs* (<http://dx.doi.org/10.1080/1060586X.2015.1071014>; дата обращения: 29.11.2015).

62. *Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. (2013)*. Persistent Ant-Market Culture: A Legacy of the Pale of Settlement after the Holocaust // *American Economic Journal: Economic Policy*. Vol. 5. N 3. P. 189–226.

63. *Hedlund S. (2008)*. Such a Beautiful Dream: How Russia Did Not Become a Market Economy // *Russian Review*. Vol. 67. N 2. P. 187–208.

64. *JEL classification system (2015)*. (<https://www.aeaweb.org/econlit/jelCodes.php?view=jel>; дата обращения: 18.11.2015).

65. *Lipset S. M. (1959)*. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. 53 (March). P. 69–105.

66. *Przeworski A., Cheibub J. A., Alvarez M. E., Limongi F. (2000)*. *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.

67. *Rosefelde S. (2004)*. An Abnormal Country // *BOFIT Discussion Paper*. N 15.

68. *Shleifer A., Treisman D. (2004)*. A Normal Country // *Foreign Affairs*. Vol. 84. N 2. P. 20–38.

69. *USDA (2015)*. Economic Research Service (<http://www.ers.usda.gov/data-products/international-macroeconomic-data-set.aspx>; дата обращения: 20.11.2015).

Андрей Заостровцев

**Концептуальные альтернативы теории модернизации:
российские концепции**

Препринт М-46/15

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 14.12.15
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**